

Бертольт БРЕХТ

К 70-летию
со дня рождения

Западные критики, отдавая дань признания Брехту, однако глубоко сожалеют, что великий судожник одновременно и марксист, что его творчество противнуто идеями мира и социализма. А марксизм не должен, то их мнению, прощаться даже «самым выдающимся». Среди крупнейших мастеров культуры чашего века, доставляющих тепкунам общественного мнения ча Западе немало огорчений и беспокойств, он занимает, пожалуй, первое место.

Так органически целостный образ Брехта в сознании многих западных критиков до сих пор раздваивается на враждебные друг другу фигуры: на «чистого художника», которого они готовы принять и приласкать, и на «злокозненного» марксиста, «идеологического» противника, к которому они питают чувство сильнейшей неприязни. Тут есть отчего стать в тупик (даже не только пришельцу из космоса), и потому легко понять недоумение критики Запаа, которая восклицает с некоторой растерянностью:

«Разве это не удивительное явление, что в странах, где боются, ненавидят и борются с брехтовским, т. е. марксистским, мировоззрением, театры причисляют автора к классикам».

Уже в раннем творчестве Брехт заостряет обыденное до невероятного, заставляет зрителя по-новому, более критически и непримиримо, отнестись к общепринятым нормам и нравам капиталистического мира. Ради этой цели Брехт сознательно шел на потери, отказываясь от исторической конкретности, от психологической характеристики персонажей, от достоверности сюжета (пьеса «Исключение и правило», 1930 г.).

Брехт был неутомимо смелым искателем, он в каждой пьесе по-новому экспериментировал и никогда не возводил эксперимента в самоцель, не застревал на достигнутом.

Интересно сопоставить произведения Брехта о гитлеровской Германии, написанные в разное время: «Остроголовые и круглогловые» (1932—1934), «Страх и отчаяние в Третьей империи» (1935—1938), «Волне удержимый подъем Артура Уй» (1941).

Сюжет «Остроголовых и круглогловых» — пародийная перелицовка шекспировской «Меры за меру» очень остроумен.

Делание персонажей на «чихов» и «чужов» и связанные с этим ситуации, в которых судьба людей зависит от формы их головы, позволяет драматургу обнаружить и высмеять нелепость расизма.

Драматический памфлет «Волне удержимый подъем Артура Уй» воспроизводит в форме пародии историю восхождения Гитлера. В комедийном действии выступает Догсборо—Гинденбург. Джирри—Геринг, Диззола—Гейбельс и другие деятели того же толка, изображенные в виде чикагских гангстеров.

Брехт стремился совместить здесь два плана — реальный, исторический, основанный на подлинных событиях недавнего немецкого прошлого, и вымышленный гротеско — аллегорический. Он хотел представить в пародийном инуюказании все ничтожество, всю мелкость и мерзость фашистских лидеров.

Пораздо большей полноты и глубины разоблачения фашизма Брехт достиг в цикле «Страх и отчаяние в Третьей империи». Взятые вместе эти пьесы-миниатюры дают широкую, полную драматизма картину жизни разных слоев народа в гитлеровском государстве.

Брехт—новатор, блестяще владеющий иллюзией реальности. У него удивительно сочетается привычное с фантастическим, трагедия—с площадным зрелищем, эпическое действие—с лирическими партиями героев.

В таких пьесах, как «Мамаша Кураж», «Кавказский меловой круг» или «Ружья Тересы Каррар», преобладает не театраль-

ная условность, а безуловная конкретность со всеми реалистическими деталями.

У Брехта нет человека «вообще», лишённого индивидуальных и национальных черт,—у него всегда живые человеческие личности.

Когда весной 1955 г. Брехт приезжал в Москву, он еще не мог увидеть ни одной своей книги на русском языке, ни одной постановки своих пьес в наших театрах.

А сейчас? Отдельные выпуски пьес «Мамаша Кураж», «Галилей», «Дни Коммуны», сборник статей о театре, в 1965 г. вышли 5 томов избранных драм, статей и стихов.

Сегодня в Москве идут «Добрый человек из Сезуана», «Мамаша Кураж», «Кавказский меловой круг», «Карьера Артура Уй», «Страх и отчаяние Третьей империи», «Трехгрошовая опера», «Пунтила и его слуга Манти», готовятся новые постановки.

Пьесы Брехта идут в Ленинграде, Таллине, Тбилиси, Риге, Харькове, Новосибирске, Омске, Волгограде, Кемерово и других городах. Издаются книги, посвященные Брехту, его творчество исследуют в статьях и диссертациях.

И так во всем мире. Брехт живет в миллионах глаз, раскрытых над его книгами, устремленных на сцены и экраны. И у читателей, и у исследователей будет еще много радостных открытий, потому что Брехт—это неисчерпаемый пласт мыслей, живых образов и событий.

Э. КАРИБДЖАНИ.

«В лице Бертольта Брехта, — писал Себастьян Хафнер, — Германия и мир потеряли творческого гения первой величины. Он был, без сомнения, величайшим немецким писателем своего поколения и, несмотря на существование Шиллера и Гейста, вероятно, величайшим драматургом из всех, которых знала Германия. Короче говоря, он стоит ближе к Шекспиру, чем какой бы то ни было другой драматург. Более того, если верить в переселение душ, то можно было бы подумать, что в нем возродился Шекспир».

Да! Таков Бертольт Брехт, самый оригинальный и, быть может, самый сложный художник нашего столетия.